

Как приумножить радость

Зоя Богуславская: «Интеллигенция ни в чем не виновата»

Независимая - 2004 - 4 июня - с. 13-15

Вера Цветкова

Писательница Зоя Богуславская – личность необычайно яркая. Поражает ее неиссякаемый интерес к жизни, ее подвижническая любовь к искусству, ее энергия. Как она везде успевает – загадка. В послужном списке и Пен-центр, и Ассоциация женщин-писателей, и фонд «Триумф». А еще собственное творчество. Но она не только успевает, она всегда на пике событий, в центре свершений. И часто в пути – с континента на континент.

Зоя Борисовна, говорят, вы только что вернулись из Калифорнии. Зачем, если не секрет, ездили в «прекрасное далеко»?

– Неожиданно была приглашена Стасом Наминым участвовать в фестивале «Русские вечера», проводимом его центром уже второй год в Голливуде. Не была в Америке с тех пор, как вышли мои «Американки» лет 20 назад. Человеку всегда хочется вернуться на то место, где у него были встречи с людьми, повлиявшими на его жизнь. И не потому, что для меня тогда это была процветающая Америка, ошеломившая своим изобилием, а потому, что мне удалось столкнуться с неизвестным человеческим опытом людей из почти всех слоев этой страны – от тюремной камеры, где сидела пожизненно заключенная, до первых леди.

На нынешнем фестивале была показана ретроспектива отечественных фильмов, во многом очень интересно построенная. Так, на открытии были показаны два фильма, связанных с Маяковским, извлеченные из архива, которые поразили публику новизной. «Барышня и хулиган», где играют сам Маяковский и Лиля Брик, и иностранный документальный фильм, в котором использованы многие материалы, доселе малоизвестные.

– Зная вашу кипучую натуру, думаю, вряд ли вы поехали гостем на фестиваль. Поэтому спрашиваю прямо: что вы там делали?

– У меня была скромная роль: я представила фильм Александра «Волга-Волга» и рассказала о Евгении Гришковце перед двумя его спектаклями – «Как я съел собаку» и «Одновременно», которые он впервые привез в Америку.

– Почему именно «Волга-Волга»?

– Выбрала фильм совершенно сознательно. В нем парадоксально переплелось многое, что происходило в конце 30-х годов в нашей стране. Смотрите: любимый фильм Сталина, он видел его 26 раз и не уставал показывать в самых непредсказуемых обстоятельствах. Перед заключением пакта о ненападении – Риббентропу, перед ялтинской конференцией – окру-

Зоя Богуславская: «Главный мой хранитель – неиссякаемый интерес к жизни».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

сегодня, посмотреть фильм... «Волга-Волга». Второе: фильм вышел в 38-м году, а в 37-м пересажали полсьемочной группы начиная с автора сценария Эрмана. И третье: Сталин хотел продемонстрировать иностранцам на фоне просачивающихся на Запад слухов о ре-

– Как почему? Люблю его тексты. Открыла для себя это необычное явление после первого его спектакля в Москве. Тогда же опубликовала полосу статьи о нем – «Человек без названия». Сейчас читаю только что вышедший роман «Рубашка», написанный на одном дыхании.

– бована мало, – как работаете, пишется?

– Прозу пишу от случая к случаю. Закончила цикл художественных портретов, которые войдут в книгу «Мой 20-й век». В ней будет переплетение моей реальной повседневной жизни с теми впечатлениями, которые наполняют духовную жизнь. Реальная жизнь напрямую или опосредованно влияет на тебя. Раньше я больше верила в то, что новое поколение, выучившись и повзрослев, будет любознательным, деятельным и захочет что-то благоустроить в этой стране; что даже у тогдашних «новых русских» или нынешних «крутых» вырастут дети, которые выучатся в наших университетах, Оксфордах или Беркли и будут думать и поступать иначе. Сейчас я так твердо в это не верю. Мне кажется, слой одичания, ожесточения, безверия, масса брошенных детей, искалеченных судеб – растет гораздо быстрее, а тонкая прослойка интеллигентности и

благородства все истончается. Все меньше людей, которые не могут терпеть несправедливость, да и просто приветливы; еще реже встречаются те, кто способны понимать другого, если он инакомыслящий или инакодействующий, и это удручает. – Очень большое расслоение в обществе. А интеллигенция, как всегда, далека от народа. Нет у вас ощущения, что ее опять обвинят во всех грехах?

– Знаете, я-то всегда полагала, что интеллигенция ни в чем не виновата. Ну что там может какой-то идеолог либерализма или теоретик экономического переустройства против лавины ошибок, неудач, стихийных и людских потрясений? Идут исторические процессы, от нас порой абсолютно не зависящие. Это во всем мире. «Младореформаторы», просто реформаторы, оттепели, перестройки, столь обально порой калечащие быт, наши судьбы, все равно на самом деле делали нас бо-

лее раскованными, свободными в суждениях и поступках. Родилось понятие «личная инициатива». Почему так неблагодарно каждое следующее поколение? Почему ни один новый глава правительства не может найти в себе широты признать достижения предыдущих? Каждый новый сваливает вдруг возникающий беспредел на людей уже ушедших.

– Вы автор проекта самой престижной отечественной премии в области искусства и литературы – независимой премии «Триумф», были ее гендиректором, ныне – художественный координатор жюри и всех культурных событий... Можно ли «Триумф» назвать делом вашей жизни?

– Да вы что? Конечно, я счастлива, что механизм вручения этой премии дал возможность стольким талантливым людям реализоваться. И придуманный алгоритм выдвижения, голосования и, в первую очередь, состав жюри, в которое входят выдающиеся люди культуры нынешнего века, не допускает лоббирования, подтасованных решений. Ну и, конечно, прекрасно, что материальное вознаграждение позволяет порой бедствующему, неощенному, блистательному таланту закончить фильм, спектакль, сделать выставку или выпустить книгу.

– А каково влияние Бориса Березовского, спонсирующего премию?

– Он не только помог ее учреждению, скорректировал и реализовал организационную основу, но и в самые тяжелые времена дефолта не оставил проект без финансирования. Будучи личностью масштабной, он всегда умел оценить масштаб других. Быть может, поэтому уважал решения жюри. В нем живет редкое уважение к высокому профессионализму, за 13 лет существования премии он никак и никогда не давил на результат.

– Вы поразительно деятельный человек – вечно в разъездах, в людском коловращении... Как вам удается долгие годы совмещать все это?

– Вы еще не назвали дом, семью. А Вознесенский?.. Это же такая часть моей жизни! Стараюсь никогда не мешать ему быть самим собой, быть на той высоте, на которой он рожден пребывать. Это заблуждение, что я могу серьезно влиять на Андрея. Конечно, влияю самим фактом своего присутствия. С его своевольностью, с его абсолютной нестигаемостью, когда касается его творчества, на него влиять невозможно. Я могу лишь сказать: «Это мне нравится, а здесь стоит подумать», но он все равно сделает по-своему. Я существую и вместе с ним, и отдельно, с трудом отвоевывая свое творческое пространство. Очевидно, главный мой хранитель – неиссякаемый интерес к жизни.

– А давайте поговорим о литературе. Последняя с восторгом прочитанная вами книга?

– Всегда читаю классику. Недавно, после сериала «Идиот» по Достоевскому и Евгения Миронова в роли Мышкина, перечитала его партию в романе. Из современных с интересом прочитала последний роман Людмилы Улицкой, люблю Светлану Алексиевич, поражаюсь мужеству, с которым она всегда погружается в трагический материал, тратя на это кусок своей жизни. Сейчас начала читать подаренную книгу об Ахматовой Аллы Демидовой. Никуда не делись Ахсанов, Битов, Стругацкие, Маканин, Войнович, Ерофеев, Попов, Петрушевская...

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Все реже встречаются те, кто способен понимать другого, если он инакомыслящий или инакодействующий

жению Рузвельта. На какой-то встрече с интеллигенцией Борис Ливанов возьми и сообщи отцу народов, что он во МХАТе получил роль Гамлета. Сталин скептически высказался о творении Шекспира, не посоветовав Ливанову играть роль датского принца, и предложил в качестве образца того, что нужно

прессиях – и всему советскому народу торжество советского образа жизни. Этому способствовала ликующая музыка Дунаевского, потрясающая Любовь Орлова и столь близкая американцам история о Золушке, выходящей в звезды.

– А почему взялись представлять Гришковца?

– Ваша жизнь протекает между письменным столом в Переделкино и особняком на Поварской, где расположен фонд «Триумф». Успеваете ли писать? Ваши первые повести проходили через большие цензурные терзания, а теперь, когда цензуры нет, но литература востре-

Как приумножить радость

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13
– Сегодня вы спешите на юбилейный вечер писателя Юрия Крелина, завтра пойдете на 70-летие ЦДЛ (беседа состоялась 26 мая. – «НГ»). Когда разговариваешь с вами, понимаешь, что современный литературный процесс бьет ключом. Когда заходишь в книжный магазин и видишь груды ярких суперобложек – детективы, «страшилки» – этого не понимаешь.

– У меня всегда было ощущение спирального развития истории. Пусть цивилизация смахнула нашу читающую нацию и взамен наградила нас DVD, компьютерными играми, второй реальностью, при которых писатель как таковой, казалось бы, может отдыхать. С моей точки зрения, цивилизация не обязательно соприкасается с культурой.

– Более того, существует аксиома – чем больше цивилизации, тем меньше культуры.

– Знаете, поступь исторического развития порой бывает крайне парадоксальна. Сегодня уже в автомобилях, даже в ресторанах звучит не ритмический рок, а

Шопен, вообще симфоническая музыка. Значит, что-то происходит с нашей нервной системой, с ощущениями, при которых опять становится востребованным этот фон. В кинотеатрах уже повально не смотрят крутое американское кино: произошло перенасыщение. Даже интерес к сериалам со временем будет исчерпан, и они займут подобающую им нишу.

Сквозь порчу пробьется настоящее, как ростки травы сквозь асфальт

– А откуда – не исчерпается? Напортит – выработает дурной вкус, не те ценности?

– Напортит, а потом сквозь порчу пробьется настоящее, как ростки травы сквозь асфальт. Настоящее нельзя разрушить до основания, уничтожить духовную сущность человека невозможно.

– Зоя Борисовна, у вас – театроведческое образование и начинали вы как критик. Почему стали писать прозу?

– Очень многие в то время перешли на прозу, потому что дышать было нечем. К примеру, Георгий Вадимов и другие. Заниматься текущей критикой было невозможно, потому что свое мнение, собственные оценки «не

пробивались». Нельзя было похвалить то, что не шло по официальным литературным спискам, высказаться откровенно. Критик – это моноискусство, проза – многоголоса, разноголоса...

– Ваш бестселлер «Американки» – это ведь документальная проза?

Зоя Богуславская среди «триумфаторов».

– Признаюсь, я с неохотой бралась за такую книгу именно потому, что я не публицист. А написав «Американок» – я была счастлива. Не из-за тиражей, а потому, что я прожила вместо одной своей жизни десятки других. Их рассказы открыли мне совершенно другие способы существования, иную систему ценностей.

– Вы вовлечены в жизнь насыщенную и интересную, сделали, можно сказать, блестящую карьеру. Если бы перед вами стоял выбор – карьера или жизнь, что бы выбрали?

– Конечно, жизнь.

– А к наградам как относитесь?

– Признаюсь, совершенно равнодушна к наградам – может быть, потому, что занимаюсь ими. Человеку на всю жизнь отпущено мало счастья – минуты, часы, недели. Но если родители или Бог наделили тебя умением радоваться чужим успехам, как своим собственным, – то у тебя радости в жизни оказывается очень много. ■

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)